

Ирина Глущенко

Барабанишки

и ШПИОНЫ

Марсельеза

Аркадия Гайдара

ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА

СУДЬБА

Барабанишки

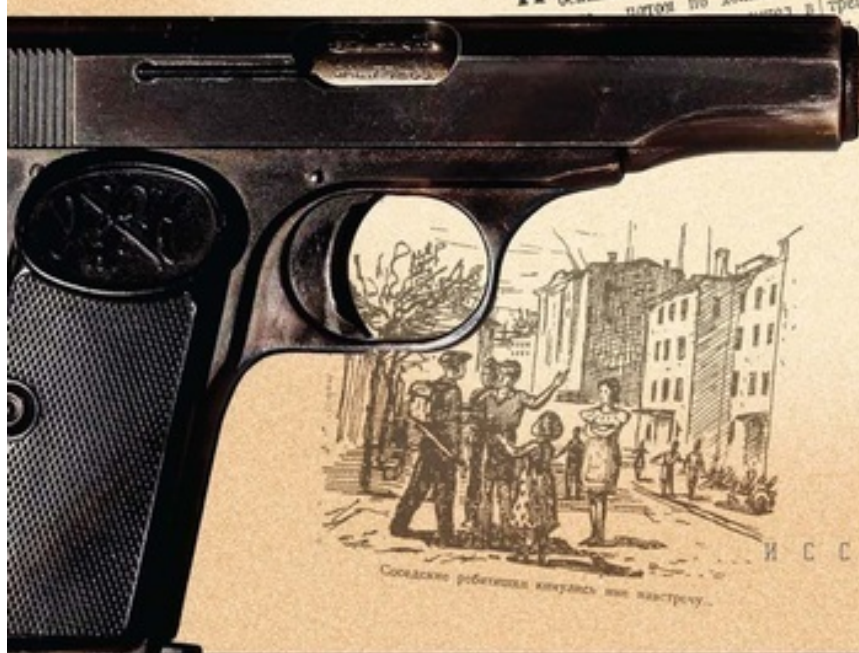
повесть Арк. Гайдара
рисунки В. Цельмера

КОГДА-ТО мой отец поехал с
белыми, был ранен. Бежал
потом по должности

Пришла к нам платинка, ма-
ляры, сияла со стены порижский
отцовский портрет, с крыльями
трещинами поперег плеча и шам-
Образы старые васильковские
и. И все перестроили, перекра-
или по-новому.
Рухлядь мы распродали старь-
шника или отвалила любушка, и

Но скриво, что я долго пла-
Валентина ласково утешала
и терпеливо учила, что я до
бузу отвечать, если меня со-
сузья или следователи.
Онизко както и ни о чем
не спрашивал. Все так
разобрали сами, и отца и
опла к пяти голям.

Соседские ребяташки игрались на площадке...

СЕРИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ

КУЛЬТУРЫ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Исследования культуры

Ирина Глущенко

**Барабанщики и шпионы.
Марсельеза Аркадия Гайдара**

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

2015

Глущенко И. В.

Барабанщики и шпионы. Марсельеза Аркадия Гайдара /
И. В. Глущенко — «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»,
2015 — (Исследования культуры)

Книга Ирины Глущенко представляет собой культурологическое расследование. Автор приглашает читателя проверить наличие параллельных мотивов в трех произведениях, на первый взгляд не подлежащих сравнению: «Судьба барабанщика» Аркадия Гайдара (1938), «Дар» Владимира Набокова (1937) и «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова (1938). Выявление скрытой общности в книгах красного командира Гражданской войны, аристократа-эмигранта и бывшего врача в белогвардейской армии позволяет уловить дух времени конца 1930-х годов. В качестве исследовательского подхода для этого автор развивает метод почти произвольных параллелей, не обусловленных причинными связями. Авторское расследование перерастает литературные рамки: в книге использованы не публиковавшиеся прежде архивные материалы, относящиеся к тому же – дьявольскому и будничному – времени, в котором проживал свою судьбу загадочный барабанщик, поколение, читавшее о нем, да и сам Аркадий Гайдар. Книга предназначена для историков, культурологов, филологов, а также для широкого круга читателей, интересующихся советским прошлым и его включенностью в мировую историю.

© Глущенко И. В., 2015

© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 2015

Содержание

Введение. Открытые книги	6
I. Путаница	8
Москва и Петербург	9
Бал и карнавал	11
Старьевщик и процентщица	14
Советский мир и преисподняя	15
Сереза Щербачов и Федор Годунов-Чердынцев	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ирина Глущенко
Барabanщики и шпионы.
Марсельеза Аркадия Гайдара

В неевклидовых геометриях может иметься более одной параллельной линии.

© Глущенко И.В., 2015

© Оформление. Издательский дом Высшей школы экономики, 2015

* * *

Автор благодарит Ариадну Павловну Бажову, Петра Егоровича Гайдара, а также директора Литературно-мемориального музея А.П. Гайдара г. Арзамаса Елену Владимировну Бундакову и хранителя фондов этого музея Людмилу Сергеевну Герасимову за бесценную и добрую помощь, оказанную во время работы над книгой.

Введение. Открытые книги

Что делает автор на страницах этой книги? Главным образом, распутывает связи.

Зачем он это делает? Чтобы расследовать тайну, которая, как ему кажется, заключена в повести Аркадия Гайдара «Судьба барабанщика».

Что побудило автора поделиться с читателем? Расследование завело далеко и переросло первоначальные рамки.

Каковы были эти первоначальные рамки? Убедиться в наличии параллельных мотивов в несравнимых, на первый взгляд, произведениях: «Судьба барабанщика» Аркадия Петровича Гайдара, «Дар» Владимира Владимировича Набокова и «Мастер и Маргарита» Михаила Афанасьевича Булгакова.

Как выстроился этот ряд? По случайному стечению обстоятельств, в котором, впрочем, автор усматривает нечто большее, чем *просто* случайность, коль скоро эта случайность оказалась реализованной, в то время как большое число других возможностей остались нереализованными. Автор и в самом деле придает большее значение тому, что случилось, по сравнению с тем, что всего лишь *могло* случиться.

Как были расширены первоначальные рамки? Неожиданно для самого автора. «Преступление и наказание» Достоевского, забытые детские книжки о Великой французской революции и письма, которые читатели – ровесники барабанщика – писали Аркадию Гайдару, дополнили картину.

Зачем понадобилось искать параллельные мотивы? Любая книга написана так, как ее задумал писатель, находящийся в своих, индивидуальных, обстоятельствах. Но сравнения с другими книгами помогают выйти за пределы индивидуального, увидев общее там, где параллели искать не принято. Сравнение – это новый инструмент, который позволяет разглядеть интересующий нас ландшафт под другим углом, с другой разрешающей способностью и в другом спектре восприятия. В конце концов, вырисовываются универсалии.

Что вдохновляло автора? Данное Бенедиктом Сарновым сравнение других, казалось бы, несравнимых произведений: «Камеры обскура» Набокова и «Возвращенной молодости» Зощенко. Читали они друг друга или нет (конечно, интереснее, если не читали), но в обеих книгах нашлось немало сюжетных и даже текстуальных совпадений. Это и убедило автора, что подобные сравнения не только возможны, но и осмысленны.

Что еще повлияло на автора? Замечание Мариэтты Чудаковой, определенно выходящее за рамки конкретной проблематики, ее интересовавшей: «Бывают эпохи, когда в обществе, в самой общественной атмосфере возникают некие интенции, общие для всех. И они проявляются в творчестве очень разных авторов (так, например, в немецкой литературе в 1940-е годы возникают некие общие мотивы в творчестве не только мировоззренчески и художественно полярных, но еще и разделенных океаном писателей – Анны Зегерс и Томаса Манна)»¹.

Какой период интересует автора в наибольшей степени и почему? Конец 1930-х годов. Это время становления, оформления и, наконец, уверенного заявления о себе «советского». По им самим созданной традиции советское рисуется отличным от всего остального.

Разделяет ли автор идею о коренном отличии советского от всего остального? Автору случалось многократно убеждаться в том, что советское существовало и развивалось в рамках общих трендов.

В чем автор видит общность? Само по себе наличие параллелей в написанном Набоковым, Гайдаром и Булгаковым означает, что, несмотря на различия, в том числе и в читательской аудитории, имеется инвариант текущего времени – *Zeitgeist*.

¹ Чудакова М. Две книги о герое-авторе // Новые работы 2003–2006. М.: Время, 2007. С. 117.

В чем автор усматривает присутствие Zeitgeist? В возможности, оглядываясь назад, сказать: «О, это тридцатые годы!», – даже если в том или ином обсуждаемом тексте нет упоминаний о реалиях истории.

Какова роль времени в данном и других случаях? Нивелировать несущественное и подчеркивать существенное.

Чем были очевидно разъединены Гайдар, Набоков и Булгаков? Происхождением, классовой принадлежностью, личным опытом, географическим местоположением, материальными условиями жизни, идеологией.

Чем были неочевидно объединены упомянутые писатели? Апелляцией к читателю, принадлежностью к русской культуре, эпохой. Временем, прошедшим с момента выхода их произведений, и привилегией современного читателя держать книги этих непохожих авторов одновременно открытыми у себя на столе.

І. Путаница

29 апреля 1918 года четырнадцатилетний Аркадий Голиков записал в своем дневнике: «В одной деревне жили двое детей. Они были сироты»². Что это? Мелькнувшая мысль, сюжет для небольшого рассказа?

Двадцать лет спустя Аркадий Гайдар напишет повесть «Судьба барабанщика». Главный ее герой, четырнадцатилетний Сережа Щербачов, в какой-то момент жизни остается совершенно один.

Сиротство приходит к нему постепенно.

Сначала утонула мать. Потом женился отец и привел мачеху Валентину. А потом и самого отца посадили за растрату.

Случилось это как раз в тот день, когда Сережа возвращался домой веселый, потому что его наконец поставили старшим барабанщиком четвертого отряда.

«И, вбегая к себе во двор, где шумели под теплым солнцем соседские ребята, громко отбивал я линейкой по ранцу торжественный марш-поход, когда всей оравой кинулись они мне навстречу, наперебой выкрикивая, что у нас дома был обыск и отца моего забрала милиция и увезла в тюрьму»³.

Двенадцатилетний Сережа мысленно прощается с отцом на пять лет и плачет, потому что в мальчишеские годы он с отцом больше не встретится. Два года спустя Валентина выходит замуж за инструктора Осоавиахима, который как-то само собой переезжает к ним. Летом Валентина легкомысленно оставила Сереже 150 рублей и укатила с мужем на Кавказ.

«Вернувшись с вокзала, я долго слонялся из угла в угол. И когда от ветра хлопнула оконная форточка и я услышал, как на кухне котенок наш осторожно лакает оставленное среди неприбранной посуды молоко, то понял, что теперь в квартире я остался совсем один».

Никто не беспокоится о судьбе мальчика; зашел пару раз пионервожатый, но не застал Сережу дома. Неуютная, пыльная летняя Москва, опустевшая квартира, в которую по ночам светит желтый фонарь Метростроя, и пионер, еще ребенок, предоставленный самому себе.

Сережа честно пытается составить план своей жизни – вести хозяйство, записаться в библиотеку, подтянуть географию и математику, – но ничего не выходит. Жизнь круто поворачивает в сторону.

² РГАЛИ. Ф. 1672. Гайдар (Голиков) Аркадий Петрович. Оп. 2. Ед. хр. 1 (1). Л. 40.

³ Здесь и далее «Судьба барабанщика» цит. по изд.: Гайдар А. Судьба барабанщика. СПб.: Азбука, 2000.

Москва и Петербург

«Я вышел во двор, – рассказывает Сережа. – Но большинство знакомых ребят уже разъехалось по дачам. Вздывая белую пыль, каменщики проламывали подвальныйю стену. Все кругом было изрыто ямами, завалено кирпичом, досками и бревнами. К тому же с окон и балконов жильцы вывесили зимнюю одежду, и повсюду тошнотворно пахло нафталином».

Перенесемся на 72 года назад. «На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу, – всё это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы юноши»⁴. Так жарким летним вечером чувствовал себя недоучившийся петербургский студент Родион Романович Раскольников.

Петербуржскому юноше и советскому мальчику предстоит убить человека. Впрочем, мало ли убийств совершалось в мировой литературе. Пока что нас интересует городская история. О Петербурге с его планированием, климатом писали задолго до Достоевского. Но когда Достоевский описывает состояние героя, потерянного в толпе, он обращается к принципиально новой ситуации – это ситуация урбанистического одиночества. В такой же Москве живет Сережа. Петербург в XIX веке уже был настоящим мегаполисом; Москва же в те времена еще считалась «большой деревней». К тридцатым годам XX века столица Советского Союза, перестроенная в соответствии с планами Лазаря Кагановича, превратилась в образцовый современный город с метро, многоэтажными домами, огромными скоплениями людей.

Не только движение транспорта или регулярность улиц притягивает писателей в этих больших городах. Город, который они видят, часто показан со двора, с изнанки, с черного хода, полный суетливой, мелкой, бытовой жизнью. У Достоевского: вонь, известка, пыль, кирпич. У Гайдара: пыль, ямы, доски, бревна, тошнотворный запах нафталина. И Раскольников, и Сережа бродят по улицам, почти не замечая окружающей городской среды, да и не желая ее замечать. У петербургского студента и московского школьника есть важная общая черта: оба они отчаянно, болезненно одиноки в большом городе. Москва Гайдара и Петербург Достоевского даются через сознание одинокого героя⁵.

Раскольников обычно «бежал всякого общества», но перед убийством для Родиона Романовича наступило «странное время». Его вдруг «потянуло к людям», он против правил идет в распивочную выпить холодного пива. Странное время наступило и для Сережи. Ведь он спасается от одиночества в компании жулика Юрки и «огонь-ребят». Они занимаются мошенничеством, темными делишками. Наивного Сережу напоили пивом; он выбалтывает незнакомым людям про свою жизнь всё, ничего не утаивая.

Жизнь становится похожа на запутанный сон. Раскольников не помнит, как очутился на улице, не помнит, с каким намерением вышел из дому, что-то надо было сделать, но он позабыл, что. Сережа после сцены в пивной не помнит, как попал домой, как очнулся у себя в кровати.

Оба погружаются в лихорадочное состояние: забытье, тяжелый сон, полубморочный жар. Сон не может подкрепить Раскольникова; он часто спит не раздеваясь. Сережа бухается в постель и, не раздеваясь, засыпает.

⁴ Здесь и далее «Преступление и наказание» цит. по изд.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 6.

⁵ Гайдар любил Достоевского. О круге чтения Гайдара подробно рассказано в дипломной работе Е.В. Денисенко «Методика изучения детского чтения на примере чтения детей конца XIX – начала XX века» (Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2004. 91 с. Рукопись).

За год до «Судьбы барабанщика», в тридцать седьмом, Владимир Набоков закончил роман «Дар»⁶ о молодом русском поэте, которому неуютно и одиноко в Берлине. Федор Константинович Годунов-Чердынцев и Сережа Щербачов одиноки в большом городе, затерянные в мелочах городского быта; неважно, что один из них – Берлин, а другой – Москва. Попробуем-ка разобраться, где тут Набоков, а где Гайдар, а для наглядности перемешаем тексты:

«Вдруг знакомый протяжный вой донесся из глубины двора через форточку. Это уныло кричал старьевщик».

«Со двора по утрам раздавалось – тонко и сдержанно-певуче: “Prima Kartoffel”, – как трепещет сердце молодого овоща! – или же замогильный бас возглашал: “Blumen Erde”».

«В стук выколачиваемых ковров иногда вмешивалась шарманка».

«К тому же с окон и балконов жильцы вывесили зимнюю одежду, и повсюду тошнотворно пахло нафталином»⁷.

Москва Гайдара похожа на Петербург Достоевского, но похожа она и на Берлин Набокова. Достоевский был, пожалуй, первым русским писателем, изобразившим урбанизированное общество. В XX веке явления, характерные для Петербурга времен Достоевского, становятся фактически нормой. Набоков, как и Гайдар, существует в контексте городской цивилизации.

Городская жизнь с точки зрения героя-наблюдателя выглядит довольно бессмысленной. В Берлине Федору Константиновичу все равно, продают картофель или нет. А фонарь Метро-строя, который на самом деле связан с выдающимся техническим проектом XX века, в реальной жизни Сережи – просто помеха, которая ночью не дает спать. Городской муравейник не увлекает героев, не включает в свой процесс, они, находясь внутри, в него не интегрированы. Сережа в тоске слоняется без дела по улице, точно по Набокову, ничем с ним не связанной, живя на глазах у чужих вещей.

⁶ Здесь и далее «Дар» цит. по изд.: *Набоков В. Дар*. СПб.: Азбука, 2000.

⁷ Авторство цитат для озадаченного читателя: Гайдар, Набоков, Набоков, Гайдар.

Бал и карнавал

Сереза спасается в одиночестве публичном. Днем он еще занят, а по вечерам что-то вытаскивает его из дома. Он пробует развлечься в парке (сначала в Сокольниках, затем в Парке культуры). Парк представляется идеальным местом для покинутого мальчика: там толпа, шум, звуки, запахи, иллюзия жизни. «Было еще светло, и с берега пускали разноцветные дымовые ракеты. Пахло водой, смолой, порохом и цветами». Но в толпе еще более одиноко, чем дома. Сереза, говоря словами Остапа Бендера, чужой на этом празднике жизни. «Бродил я долго, но счастья мне не было. Музыка играла все громче и громче». Тут вспоминается чеховское «Музыка играет так весело». Совсем не весело было трем сестрам, которые были уверены, что лучше Москвы нет ничего на свете. Тридцать восемь лет спустя Сереза уже в Москве («от большого горя мы переехали в Москву»), но счастья все равно нет, мечта сестер разбита.

Описание карнавала в парке отсылает еще к одному чеховскому тексту – пьесе Трехплева из «Чайки», где действие происходит через двести тысяч лет, где холодно, холодно, холодно.

«Монахи, рыцари, орлы, стрекозы, бабочки [чеховские “Люди, львы, орлы, куропатки”?] со смехом проносились мимо, не задевая меня и со мной не заговаривая. В своей дешевенькой полумаске из пахнувшего клеем картона я стоял под деревом, одинокий, угрюмый, и уже сожалел о том, что затесался в это веселое, шумливое сборище».

За этим и тень Печорина, равнодушного, лишнего, написанного за сто лет до Серези. «Я – как человек, зевающий на бале, который не едет спать только потому, что еще нет его кареты». А когда появится Нина в полумаске и Сереза будет покупать ей мороженое, мелькнет тень другого маскарада.

Прежде чем попасть на карнавал, Серезе надо спуститься в метро.

Про московское метро в те годы сочиняли радостные, веселые песни. «Ну и как же это, братцы, получается, все так в жизни перепуталось хитро – чтоб запрячь тебя, я утром отправляюсь от Сокольников до парка на метро», – пел от имени извозчика Леонид Утесов. А «Песня о метро» 1936 года⁸ и вовсе легкомысленна: «Там солнце улыбалось бетону, кирпичу, и Лазарь Каганович нас хлопал по плечу». У Гайдара же метро напоминает преисподнюю.

«Точно кто-то за мной гнался, выскочил я из дому и добежал до метро. Поезда только что прошли в обе стороны, и на платформах никого не было. Из темных тоннелей дул прохладный ветерок. Далеко под землей тихо что-то гудело и постукивало. Красный глаз светофора глядел на меня не мигая, тревожно».

Метро, конечно, условное, невозможно, чтобы сейчас было пусто, а совсем скоро станции заполнились бы толпами.

Булгаков начал писать «Мастера и Маргариту» в двадцатые годы, но более или менее законченный вариант перепечатал как раз в 1938 году. Известно, что Булгаков устраивал читки своих рукописей⁹. Нет достоверных свидетельств того, что Гайдар мог слушать отрывки романа, впрочем, их могли пересказать... Конечно, знакомство с текстом Булгакова хотя бы гипотетически более вероятно, чем с романом Набокова. И все же читать «Мастера» Гайдар не мог; в лучшем случае – что-то слышал. Однако через гайдаровское метро можно проникнуть на бал к Сатане.

⁸ Музыка П. Ипполитова, слова Н. Берендгофа.

⁹ Об истории создания романа и читках подробно рассказано в кн.: Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988.

У Гайдара: красный глаз светофора, темные тоннели, пустота. У Булгакова: подземелье, темнота, огонек. «Было темно, как в подземелье [...] и Маргарита невольно уцепилась за плащ Азazelло, опасаясь споткнуться. Но тут вдалеке и вверху замигал огонек какой-то лампадки и начал приближаться»¹⁰. Ждет Сережа, ждет и Маргарита. «Эти десять секунд показались Маргарите чрезвычайно длинными. По-видимому, они истекли уже, и ровно ничего не произошло. Но тут вдруг что-то грохнуло внизу в громадном камине, и из него выскочила виселица с болтающимся на ней полурассыпавшимся прахом [...] Теперь снизу уже стеною шел народ, как бы штурмуя площадку, на которой стояла Маргарита». У Гайдара: «Вдруг пустынные платформы ожили, зашумели. Внезапно возникли люди. Они шли, торопились. Их было много, но становилось все больше – целые толпы, сотни...».

Но на бал просто так не попадешь; нужны специальные атрибуты. Маргарите на грудь вешают тяжелое изображение пуделя, Сереже тоже нужен своеобразный пропуск – маска. «Сзади напирала очередь, и раздумывать было некогда. Я заплатил два рубля за маску, два за вход и, пройдя через контроль, смешался с веселой толпой». «Ничего, ничего, ничего! – бормотал Корovieв [...] – ничего не поделаешь, надо, надо, надо».

Маска – это разрешение на проход в другое пространство. Есть в Москве некий параллельный мир, где нет никаких каменщиков и прачек.

Пройдя контроль, Сережа оказывается там же, где и Маргарита, – в тропическом лесу: «Мы взбирались на цветущие холмы, спускались в зеленые овраги, бродили меж густых деревьев». У Булгакова: «Красногрудые зеленохвостые попугаи цеплялись за лианы, перескакивали по ним и оглушительно кричали: “Я восхищен!”» На Сережином пути встречаются «веселые пастухи, отважные охотники и мрачные разбойники», а также «добрые звери, злобные страшилы и чудовища». Двадцатый век, московская толпа.

Описывая «блестящий карнавал» в Парке культуры, Гайдар, скорее всего, вдохновлялся реальными карнавалами, проходившими там¹¹. А не могли ли, кстати, советские карнавалы 1930-х годов повлиять на Булгакова, когда он писал бал у Сатаны?

В библейских сценах «Мастера» есть свой «блестящий карнавал» – Пасха в Ершалаиме. Там праздничные огни, пламя светильников, славословия. В Москве с берега пускают разноцветные дымовые ракеты, пахнет водой, смолой, порохом и цветами.

Низа, заманившая Иуду в ловушку, появляется из толпы, как и подружка Сережи, Нина:

«... в кипении и толчее его обогнала как бы танцующей походкой идущая легкая женщина в черном покрывале, накинутом на самые глаза [...] молодой человек догнал женщину и, тяжело дыша от волнения, окликнул ее:

– Низа!»

«Она обрадовалась, схватила меня за руки и заговорила:

– Ах, какое, Сереженька, горе! Ты знаешь, я потерялась. Где-то тут сестра Зинаида, подруги, мальчишки... Я подошла к киоску выпить воды. Вдруг – трах! бабах! – труба... пальба... Бегут какие-то солдаты – все в стороны, все смешалось; я туда, я сюда, а наших нет и нет... Ты почему один? Ты тоже потерялся?»

Нет, Низа, конечно, не могла так сказать...

¹⁰ Здесь и далее «Мастер и Маргарита» цит. по изд.: Булгаков М. Полное собрание романов, повестей и рассказов в одном томе. М.: Альфа-книга, 2009.

¹¹ См. Кухер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

«Но мы не нашли тех, кого искали, – продолжает Сережа, – вероятно потому, что волшебный дух, который вселился в меня в этот вечер, нарочно водил нас как раз не туда, куда было надо. И я об этом догадывался и тихонько над этим смеялся».

В Маргариту на ту ночь тоже вселился «волшебный дух». Да и с Ниной творится что-то неладное.

«Когда я буду большая, – задумчиво сказала Нина, – я тоже что-нибудь такое сделаю.

– Какое?

– Не знаю! Может быть, куда-нибудь полечу».

Нина вот-вот понесется над Москвой, как и Маргарита. «Невидима и свободна! Невидима и свободна!»

Наверное, в парке особый воздух. Люди совершают безумные поступки. Сережа, считающий себя почти нищим, позабыв все на свете, выхватывает из кармана бумажник. «Деньги! А это что – не деньги? Мы ужинали, я покупал кофе, конфеты, печенье, мороженое». Одним словом, Сатана там правит бал.

«Или, может быть, будет война, – возбужденно продолжает Нина. – Смотри, Сережа, огонь! Ты будешь командиром батареи. Ого! Тогда берегитесь... Смотри, Сережа! Огонь... огонь... и еще огонь!»

«Тогда огонь! – вскричал Азazelло. – Огонь, с которого все началось и которым мы все заканчиваем.

– Огонь! – страшно прокричала Маргарита [...]

– Гори, гори, прежняя жизнь!

– Гори, страдание! – кричала Маргарита».

Нина убегает. Сережа опять остается один. И в самом деле, зачем Нине и ее отцу, честному и несгибаемому Платону Половцеву, нужна дружба с ворами?

Оба писателя уловили тот зловещий и волшебный дух, что царил в Москве в тридцатые годы, и – каждый по-своему – описали его. Как будто вместе с переносом столицы в Москву следом перекечевала и петербургская чертовщина.

Старьевщик и процентщица

У одиночества наших героев есть не только психологическая, но и материальная сторона: им катастрофически не хватает денег.

Советский пионер и студент-разночинец одеты плохо, особенно жалки их головные уборы. Шляпа Родиона Романовича «вся в дырах и пятнах, без полей»; у Сережи безобразная кепка с дырой, которую он прожег у костра.

По-своему беден и набоковский Федор Константинович: сапожник отказался чинить ему башмаки, а при покупке новых обнаружилось, что нога «плохо заштопана». Каблук Сережиного ботинка был стоптан, но он, в отличие от берлинского жителя, пытается починить ботинок сам: «...чтобы подровнять, я сдернул клещами каблук у другого, потом гвозди забил молотком».

Безденежье и неприкаянность взаимосвязанны. В «Судьбе барабанщика» появляется не самая типичная для советской литературы тема – тема нищеты. Впрочем, сначала Сережа при деньгах. Ведь Валентина оставила ему на месяц целых 150 рублей, но дурацкие траты вроде покупки фотоаппарата, а потом его починки, страсть к развлечениям приводят к тому, что он быстро остается на мели. Сначала Сережа пытается найти деньги в запертом ящике письменного стола. Но он лишь портит замок и ломает ключ: вместо денег находит черный браунинг, принадлежащий мужу Валентины. Браунинг, точно по Чехову, конечно же, выстрелит.

Что делают Родион Романович и Сережа в сходных жизненных ситуациях? «Парнишке из благородных» приходится закладывать вещи, советскому мальчику – продавать; другого способа наш барабанщик не находит. Естественно, оба на этом теряют.

Раскольников приносит старухе серебряные часы. Однако старуха дает издевательски мало: «Полтора рубля-с и процент вперед, коли хотите-с».

Своя «процентщица» есть и у Сережи. Это старьевщик. Для пионера, лихорадочно думающего, где бы достать деньги, старьевщик оказывается последней надеждой. Сережа зазывает старьевщика домой, вываливает перед ним кучу вещей: коньки, куртку, рубашку, футбольный мяч. Однако опытный старьевщик дает лишь шесть рублей.

«Как шесть рублей? За такую кучу всего шесть рублей, когда мне надо тридцать?!»

Точно так же реагирует и Раскольников.

«Полтора рубля! – вскрикнул молодой человек.

– Ваша воля. – И старуха протянула ему обратно часы.

Молодой человек рассердился и намеревался уже уйти; но вспомнил, что идти больше некуда. “Давайте!” – сказал он грубо».

Сережа тоже «попробовал было торговаться». Но старьевщик «стоял молча и только изредка лениво повторял: “Шесть рублей. Цена хорошая”».

За вторую порцию барахла старьевщик накидывает еще пять рублей, и тогда Сережа продает, видимо, самую дорогую вещь в доме: Валентинину меховую горжетку. Сереже, как и Раскольникову, некуда больше идти.

Сережа решил одну проблему, но мгновенно увяз в других: грядущее разоблачение кражи, взломанный ящик стола, найденный пистолет. Теперь он придумывает нарочно не запереть квартиру, чтобы потом все свалить на воров; сам выпутаться из катастрофы он, конечно, не сможет.

Юный барабанщик столкнулся с вечными проблемами – нищетой и наживой.

Советский мир и преисподняя

В мире Сережи, откуда ни возьмись, возникает таинственный дядя. Для Сережи дядя – спасительный поворот сюжета, он просто обязан был соткаться из воздуха, как Коровьев.

Низкорослый толстый человек в сером костюме и желтых ботинках запросто проникает в Серезину квартиру, распевает там песни и даже ставит примус. «Вор, очевидно, кипятил чайник и собирался у нас завтракать», – изумляется Сережа. Дядя ведет себя так же нагло, как потом будут вести себя постояльцы в квартире Берлиоза.

«А... где же вы будете жить?»

– В вашей квартире, – вдруг развязно ответил сумасшедший и подмигнул».

Причем в обоих случаях пребывание в квартире оказывается более уместным, чем в гостинице. «Мальчишка один. Квартира пустая. Лучше всякой гостиницы», – говорит «дядя». Воланд тоже «нипочем не желает жить в гостинице», хотя председатель жилтоварищества Никанор Иванович возражает, что «иностранцам полагается жить в “Метрополе”, а вовсе не на частных квартирах»¹².

Вскоре вслед за дядей появляется отвратный старик Яков, и они завладевают Серезиной квартирой, как своей собственной.

Гораздо позже Сережа будет мучиться неразрешимыми для детского ума вопросами.

«А может быть, – думал я, – дядя мой совсем и не жулик. Может быть, он и правда какой-нибудь ученый или химик. Никто не признает его изобретения, или что-нибудь в этом роде. Он втайне ищет какой-либо утерянный или украденный рецепт.

– Дядя, – задумчиво спросил я, – а вы не изобретатель?»

– Тсс... – приложив палец к губам и хитро подмигнув мне, тихо ответил дядя. – Об этом пока не будем... ни слова!»

Михаил Александрович Берлиоз на Патриарших прудах тоже терзается, кто этот таинственный незнакомец.

«Вы в качестве консультанта приглашены к нам, профессор? – спросил Берлиоз [...] – А у вас какая специальность? [...] – Я – специалист по черной магии». Но и «дядя» – тоже своего рода специалист по черной магии. У него есть исчезающие чернила, волшебная бумага, склянки со сладковатым эфиром, поддельные документы, ордена, сколько угодно денег и много чего еще.

Но пока что дядя вызывает доверие. Дело не только в детской наивности: многие исследователи отмечают, что герой Гайдара гораздо взрослее, чем полагается мальчику его лет. «Дядя» появляется в самый отчаянный, последний момент, когда надежд у Сережи больше не остается. Потому-то и дядя, и даже пришедший вслед за ним старик Яков поначалу грезятся Сереже неким подобием семьи.

Дядя напоминает одновременно и Воланда, и Коровьева. Те же шуточки и прибаутки, те же преувеличения, надрыв: «Ах, годы!.. Ах, невозвратные годы!.. Но, как видишь, орел!.. Коршун!.. Экие глаза! Экие острые, пронизательные глаза! Огонь! Фонари! Проекторы...». Сравним эти восклицания с отрывистыми, театрально-громкими вскриками Коровьева: «Начисто, –

¹² Сходство дяди и Воланда отметил в свое время Г. Хазагеров в статье «Бесы в судьбе барабанщика». Он выявляет «бесовское» в обеих книгах, концентрируясь на мотивах «тревоги» и «исчезновения», свойственных атмосфере 1930-х. <<http://www.khazagerov.com/gaidar.html>>.

крикнул Коровьев, и слезы побежали у него из-под пенсне потоками, – начисто! Я был свидетелем. Верите – раз! Голова – прочь! Правая нога – хрусть, пополам! Левая – хрусть, пополам».

С приездом дяди и Якова в квартире мальчика поселяются запахи из ада: «... через щель под дверью ко мне дополз какой-то вьедливый, приторный запах. Пахло не то бензином, не то эфиром, не то еще какой-то дрянью». В квартире Берлиоза, когда там уже живет нечистая сила, «вся передняя наполнилась запахом эфира, валерьянки и еще какой-то мерзости».

Нечистая сила или нет, но все обязаны временно прописаться в квартире. «Пересчитав деньги, председатель получил от Коровьева паспорт иностранца для временной прописки»; «... раздался звонок, просунулся в дверь дворник Николай и протянул дяде листки для прописки». Разумеется, ни дядя, ни Воланд всерьез прописываться в московских квартирах не собираются.

С появлением гостей для Сережи меняется и Москва. Мальчик гонится за своими постояльцами, мечтая сфотографировать их, – не зря же он покупал фотоаппарат! Но ничего не получается.

«Дядя и старик Яков только что вышли за ворота и свернули направо. Тогда я схватил фотоаппарат и помчался вслед за ними. Долго ловчился я поймать дядю в фокус. Но то его заслоняли, то меня толкали прохожие или пугали трамваи и автобусы».

Неуловимые приятели ускользают от объектива фотоаппарата подобно тому, как вампиры не отражаются в зеркалах.

Иван Бездомный у Булгакова тоже отчаянно пытался настичь «преступников». Поэт преследует их от Спиридоновки до Никитских ворот, но там усиливается толчея, Иван налетает на прохожих, но ни на шаг не приближается к неизвестным.

В Киеве Сережа будет сочинять стихи и записывать их на дядиной бумаге. Он успел написать десять строчек про матросов и девиц, что-то отвлекло его, и когда он вновь взял листок, то увидел, что первых четырех только что написанных строк на бумаге уже нет. А пятая «быстро таяла на глазах, как сухой белый лед, не оставляя на этой колдовской бумаге ни следа, ни пятнышка». Документы, которые получил от «гастролера» Никанор Иванович, тоже испаряются без следа: «В портфеле ничего не было: ни Степиного письма, ни контракта, ни иностранцева паспорта, ни денег, ни контрамарки».

И хотя у Булгакова действуют посланцы ада, а у Гайдара – бандиты и шпионы, и те и другие пользуются одинаковыми приспособлениями. Ситуации в каком-то смысле зеркальны. В «Мастере» Бездомный скажет Берлиозу, что Воланд никакой не интурист, а шпион, а в «Барабанщике» реальный шпион похож на нечистую силу.

Советский мир, оказывается, полон чертовщины.

Сереза Щербачов и Федор Годунов-Чердынцев

Вот Серезе предстоит сняться с места и поехать вместе с дядей неведомо куда. Он пытается привести в порядок свою одежду; чистит брюки бензином, а ботинки – ваксой. Непонятно, как быть с дырявой кепкой, но мальчик – вслед за героем Зощенко, сторонником военного коммунизма Василием Митрофановичем – решает, что днем будет кепку держать в руках, «будто бы мне все время жарко», а вечером сойдет и с дырой¹³.

От Серези после всех приготовлений пахнет скипидаром, бензином, ваксой. Однако дядя не доволен результатом и называет его одежды, не по-советски, балахонами, в которых мальчик напоминает церковного певчего.

Друг Раскольников, деятельный Разумихин, и дядя заменяют лохмотья своих подопечных на более приличные костюмы. Оба достают неизвестно где комплект вещей, в который герои тут же и переодеваются.

Разумихин приносит Раскольникову «касметку», серые панталоны, жилетку и сапоги. Дядя протягивает Серезе сверток. «В нем были короткие, до колен, защитного цвета штаны, такая же щеголеватая курточка с множеством карманов и карманчиков, желтые сандалии, пионерский галстук с блестящей пряжкой, косая, как у летчика, пилотка и небольшой кожаный рюкзак». Раскольников слушает Разумихина с отвращением, Сереза хватает «добро» дрожащими руками и бежит переодеваться.

Старая жизнь закончилась.

И здесь возникает тема прощания с жилищем. Съезжает с квартиры Сереза, съезжает и набоковский Федор Константинович.

«Вскоре мы собрались, – рассказывает Сереза. – Ключ от квартиры я отнес управдому, котенка отдал дворничихе». Федор Константинович «вынес вещи, пошел проститься с хозяйкой [...] отдал ей ключи и вышел».

Гайдар еще задерживается на этом прощании, не позволяя Серезе уйти просто так.

«У ворот я остановился. Вот он, наш двор. Вот уже зажгли знакомый фонарь возле шахты Метростроя, тот, что озаряет по ночам наши комнаты.

А вон высоко, рядом с трубой, три окошка нашей квартиры, и на пыльных стеклах прежней отцовской комнаты, где подолгу когда-то играли мы с Ниной, отражается луч заходящего солнца. Прощайте! Все равно там теперь пусто и никого нет».

Сереза, кажется, не прикипел к своему жилью, словно живет на съемной квартире, как и Годунов-Чердынцев. Не так ли и с героями Достоевского, которые обычно снимают «от жильцов»?

«Случалось ли тебе, читатель, испытывать тонкую грусть расставания с нелюбимой обителью? – вопрошает Набоков. – Не разрывается сердце, как при прощании с предметами, милыми нам [...] Я бы тебе сказал прощай, но ты бы даже не услышала моего прощания. Все-таки – прощай. Ровно два года я прожил здесь, обо многом здесь думал, тень моего каравана шла по этим обоям, лилии росли на ковре из папиросного пепла, – но теперь путешествие кончилось».

Уютное, родное – все осталось в прошлом. И в «Даре», и в «Барабанщике» это прошлое связано с темой отца. Отец для Серези так же окутан тайной, болью, разлукой, как то ли пропавший когда-то, то ли погибший отец Федора Константиновича. Серезин отец, осужденный

¹³ Локтев из рассказа М. Зощенко «Прелести культуры» (1927) советует Василию Митрофановичу, оказавшемуся в театре в ночной рубашке и не понимающему новых требований к зрителям, сделать вид, что это «летняя рубашка апаш и тебе, одним словом, в ней все время жарко».

за растрату, в душе поэт. Его стихи и песни хранят сына от злой судьбы. «Как описать блаженство наших прогулок с отцом по лесам, полям, торфяным болотам [...] как описать чувство, испытываемое мной, когда он мне показывал все те места, где сам в детстве ловил то-то и то-то», – вспоминает Федор Константинович. Сережа подхватывает: «Помнишь, как в глухом лесу звонко и печально куковала кукушка и ты научил меня находить в небе голубую Полярную звезду? А потом мы шагали на огонек в поле и дружно распевали твои простые солдатские песни. Помнишь, как из окна вагона ты показал мне однажды пустую поляну в желтых одуванчиках, стог сена, шалаш, бугор, березу?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.